

КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ

от совершенства, о чём Гориболь посетовал прямо на сцене, пианист вытаскивал из него всё, что мог. Музыка прозвучала во всей полноте и звучности, почти оркестровой, со множеством оттенков и тонких движений, а «Триумф» вспомнил свою прежнюю жизнь и ненадолго снова стал кинотеатром — на большом экране в этот момент появились отрывки из фильма Лукино Висконти «Смерть в Венеции», где в саундтреке звучит эта музыка.

Среди людей-институций, присутствующих на фестивале как родные, — целая плеяда пианистов, приезжающих каждый или почти каждый год: Полина Осетинская, Алексей Любимов, Антон Батагов. Концертная программа Батагова «Волнения» стала одним из самых трогательных и нежных моментов фестиваля. Шуберт неожиданно рифмовался с Филипом Гласом, а сочинения самого Батагова выглядели как иллюстрация для объяснения того, что такое музыкальный минимализм: в них отсутствовала кода, и основные мотивы можно было повторять до бесконечности. Так и хотелось сказать: «Эта музыка будет вечной...» И в самом деле хотелось, чтобы она не кончалась.

Жаль, конечно, что отменили премьеру перформанса «Нить», который должен был следовать за «Волнениями», но зрители получили временную фору, чтобы не раз вызвать пианиста на бис — привилегия, которой не было у зрителей прочих камерных концертов, слишком плотно, впритык «упакованных» в фестивальную программу.

Новые открытия

Каждый год на Дягилевском фестивале появляется новый ансамбль старинной музыки. На сей раз это был французский La Tempête с программой «Слёзы Воскресения». В её основе — огромная оратория немецкого композитора XVI века Генриха Шютца «История Воскресения Иисуса Христа», написанная буквально на сюжет Евангелия. Там все — Иисус, Мария Магдалина, апостолы, странники на дороге в Эммаус — расписаны по голосам, и, как и положено в оратории, есть партия чтеца (Евангелиста), состоящая из речитативов.

Это было бы, наверное, скучновато, если бы французы не «прослоили» ораторию мадригалами соплеменника и ровесника Шютца — Иоганна Германа Шайна. Исполненная мастерами и энтузиастами старинной музыки, эта «синтетическая» оратория-концерт получилась блестяще изысканной.

Но и странной тоже. На сцене — два Иисуса, две Магдалины, и между ними возникают сложные и загадочные отношения, как вокальные, так и человеческие. Ухо меломана наслаждается переплетениями двух разных теноров или двух разных сопрано, а глаза удивляются, наблюдая, как две Марии соприкасаются лбами, словно проникая друг в друга. Евангелист же в своих речитативах то и дело возвышает голос в распевках и завываниях, характерных скорее для муэдзина на минарете. Как оказалось, в этой роли выступал ливанец Жорж Абдалла, и, по мнению руководителя ансамбля Симона-Пьера Бестиона, это — проявление ближневосточной христианской традиции, которое подчёркивает происхождение христианства из Ближнего Востока и отсылает к первоначальному христианству, не отошедшему от своих корней.

Самым шокирующим впечатлением от фестиваля, как оказалось, стало даже не извлечение музыки из кирпичей и бетономешалок на перформансе Hammerschlag («Удар молота»), в котором принял участие лично Теодор Курентзис, а уже привычная, казалось бы, «бродилка» — на сей раз это был спектакль Musica Fugit от испанского театра Kamchàtka.

«Музыкальный побег» предлагает участникам примерить на себя ощущения нелегальных иммигрантов, задворками пробирающихся через границу условного государства: у них изымают паспорта и телефоны, которые «сжигают» в большой металлической бочке, а затем людей делят на маленькие группы — при этом пары, семьи, компании друзей безжалостно разделяются — и водят «козьими тропами» по заводу им. Шпагина и окрестностям. Актёры «Камчатки» умудряются проявить всю полноту эмоций организаторов подобного побега: и нервность человека, осознающего всю грозящую группе опасность, и сочувствие к мигрантам

(чёрной корочкой делятся!), и огромную радость после того, как опасный переход завершился и несколько мигрантских групп встретились, а друзья и родственники, которые беспокоились о судьбе друг друга, счастливо воссоединились.

«Побег» проходит от одного тайного убежища к другому, от передышки к передышке, и эту передышку мигрантам предоставляют солисты оркестра MusicAeterna, известные пермякам ещё и как участники проекта Bagosco a la prima и играющие волшебные старинные мелодии. Под них действительно отдыхаешь.

Во время этой эмоциональной игры чувствуешь себя ребёнком, азартно сражающимся в «войнушке» на пустыре, и давно забытые ощущения настоящей игры, когда кажется, что всё взаправду, но где-то в глубине сознания остаётся понимание, что реальная опасность тебе не грозит, проявляются настолько остро, что кажется, будто детство действительно вернулось. Это очень бодрит.

Как выяснилось, не все были готовы принять условия игры, и уже после окончания фестиваля в социальных сетях началась полемика, которая выплеснулась и в СМИ, о том, где границы дозволенного в подобных иммерсивных спектаклях. Могут ли артисты прикасаться к зрителям (актёры «Камчатки» — мимы, они не говорят, всё общение со зрителями — жесты и прикосновения)? Имели ли они право забирать личные вещи? Некоторые авторы (не бывшие на спектакле лично) предлагают в таких случаях заранее подробно предупреждать зрителей обо всём, что их ждёт, но поверьте тому, кто это пережил: без элемента неожиданности весь смысл действия пропадает.

Завод

Завод им. Шпагина стал в этом году главной фестивальной площадкой. Год назад он примерил на себя роль концертного зала и клуба, а в этом году стал парком, выставочным залом, рестораном, учебным центром и, конечно, клубом и концертной площадкой.

Так, в «филиале» цеха №5, известном как «Литера А», открылась выставка «Кода», созданная куратором Александром Новиковым с привлечением

привычного набора художников его круга во главе с Татьяной Нечухиной. Портрет Теодора Курентзиса её работы, где дирижёр изображён в поклоне, стал культовым, все хотели его увидеть и сфотографировать. Но при всём этом проект «Кода» — совсем не то, что хочется видеть в этом пространстве: и по масштабу, и по содержанию он не соответствует гигантскому ангару, где планируется со временем разместить Музей современного искусства PERMM. Подобные проекты мы не раз видели на «Арт-Перми»... Нужна ли ещё одна «Пермская ярмарка»?

Другое дело — элементы декорации оперы «Носферату»: три занавеса работы классика рубежа XX–XXI веков Янниса Кунеллиса стали экспонатами ещё одной мини-выставки здесь же, в «Литере А». Глядя на них, понимаешь, что, переселившись в «Литеру А», Музей современного искусства наконец-то получит возможность выставлять по-настоящему большие объекты.

Ещё одна выставка — «Тайный ход» — предполагала особый аттракцион проникновения на неё: нужно было как-то узнать пароль, сказать этот пароль человеку в оранжевой каске, гуляющему по фестивальному клубу, и этот человек проводил зрителей на выставку магических световых инсталляций в пока ещё не оборудованной части цеха №5. Это волнующее путешествие завершилось уже за пределами здания, где художница Ирэна Ярутис разместила один из своих индустриальных арт-объектов — «Музыка шпал». Подвешенные шпалы имитировали поставленную вертикально фортепианную клавиатуру и в красивой вечерней подсветке действительно «звучали».

В целом же оформление территории завода, частью которого является «Музыка шпал», — это особый разговор, большой и важный, он требует отдельного материала.

Не последний?

Думается, читатель уже получил достаточное представление о том, почему нынешний Дягилевский фестиваль был обязательным к посещению. Теперь последний, убийственный аргумент: очень может быть, что больше этого чуда в Перми не будет. То есть фестиваль-то будет и даже сохранит своё название, ибо на него уже выделено бюджетное финансирование и определены сроки, на этот раз в июне. Но без Теодора Курентзиса это будет нечто иное.

Это уже не слухи, а реальная опасность: XIII фестиваль искусств в городе Дягилева действительно может стать последним, который организовал и провёл нынешний художественный руководитель Пермского театра оперы и балета.

Об этом говорит, в частности, отмена традиционной завершающей пресс-конференции, на которой обычно руководители фестиваля и Пермского театра оперы и балета подводили итоги прошедшего события и всего театрального сезона и делились планами на будущее. Сейчас же итоги-то подвести можно, а планов на будущее пока нет. На первую половину театрального сезона 2019/20 года пока запланирована одна премьера — детская опера.

В конце лета станет понятно, «зайдёт» ли Теодор Курентзис в новый театральный сезон в Перми. Всё решится в ближайших месяцах.

ФОТО НИКИТА ЧУНТОМОВ

Festina lente. Концерт хоров MusicAeterna и ByzantiAeterna